

004607912

Мошкина Ирина Васильевна

**КОРРУПЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)**

22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

- 9 СЕН 2010

Хабаровск – 2010

Работа выполнена в ГОУВПО «Тихоокеанский государственный университет»

Научный руководитель доктор политических наук, профессор
Ярулин Илдус Файзрахманович

Официальные оппоненты доктор философских наук, профессор
Бляхер Леонид Ефимович

кандидат социологических наук, доцент
Галиуллин Дамир Лутфуллаевич

Ведущая организация Институт комплексного анализа региональных
проблем Дальневосточного отделения
Российской академии наук

Защита состоится 24 июня 2010 г. в 16 часов на заседании диссертационного
совета ДМ 212.294.04 в ГОУВПО «Тихоокеанский государственный
университет» по адресу: 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, ауд. 315 л.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Тихоокеанский
государственный университет».

Автореферат разослан 21 мая 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

П.П. Лях

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема коррупции все более выходит сегодня на авансцену общественной жизни современной России. Со стороны государства принимаются все новые и новые шаги по борьбе с этим социальным злом, издаются нормативно-правовые акты запретительного характера, ведется полемика в средствах массовой информации. Все осуждают коррупцию, но она, тем не менее, не желает сдавать завоеванные позиции, нанося ощутимый удар по народному хозяйству и обществу.

Чем активнее в стране разворачивается антикоррупционная борьба, тем зримее ощущается недостаток глубоких и всесторонних теоретических исследований по теме коррупции. Нельзя сказать, чтобы их было уж совсем мало. Но основную массу составляют работы юристов, которые рассматривают лишь часть коррупции, подпадающую под юридическую санкцию. Огромный пласт самой коррупции при этом остается невидимым и малоисследованным.

Несколько шире подходят к данной проблеме представители экономической науки. Здесь под понятие «коррупция» подпадает достаточно объемный спектр действий, не являющихся незаконным в прямом смысле слова, но нарушающий те или иные «правила игры». Однако ни в первом, ни во втором случае не удастся однозначно определить сам феномен коррупции. Представляется, что для этого нужен более широкий – социологический – контекст, включающий в себя как экономический, так и правовой аспекты в качестве частного случая. Только четкое понимание смысла коррупции, особенностей ее восприятия самим обществом позволит выстроить важнейшую составляющую любой антикоррупционной кампании – общественную поддержку борьбы с коррупцией.

Особенно актуально это для удаленного региона – Дальнего Востока России. Достаточно долгий период времени многим российским политическим деятелям 90-х годов XX века Дальний Восток казался «лишней» территорией. Это приводило к резкому и болезненному сокращению потока ресурсов в регион, сокращению населения, сворачиванию инвестиционных проектов. Возникла острая рискованная ситуация.

Для того чтобы уменьшить риски, обеспечить себе «страховку» на случай форс-мажорных обстоятельств, население Дальневосточного региона вступало в сетевое взаимодействие. А поскольку условия жизни дальневосточников все более отличались от западных регионов страны в худшую сторону, то и взаимодействие это протекало главным образом в «серых зонах», на которые действие российского законодательства не распространялось. Для сохранения этих «серых зон» и возникала сложная система коррупционного взаимодействия. Именно сетевое взаимодействие обеспечило дополнительный ресурс стабильности, позволивший населению Дальнего Востока выжить в труднейшие годы перестройки.

Однако по мере стабилизации социально-экономического положения в стране и российской правовой системы «серое» взаимодействие все более вступало в конфликт и с законодательной нормой, и с социально-экономическим развитием. Дело в том, что социальная сеть, обеспечивая условия выживания, начинает сдерживать общество, перераспределяя часть ресурсов для поддержания своей работы. Чем больше ресурсов инвестируется в регион, тем более значительный их объем начинает перераспределяться сетью в свою пользу. В определенный момент это и становится тормозом для всего социально-экономического развития.

Однако социальные сети, завязанные на коррупционном взаимодействии, не существуют отдельно от всей социальной ткани региона. Они плотно вплетены в нее. Разрушение их работы или, по крайней мере, сведение самой коррупции к безопасному для общества минимуму возможно лишь только в том случае, если население региона осознает коррупцию как актуальную социальную проблему. Особенность восприятия коррупции населением Хабаровского края мы и попытались раскрыть в настоящей работе. Этим определяется ее актуальность.

Степень разработанности проблемы. Тема коррупции вошла в арсенал обществоведческих исследований во второй половине XX века, благодаря исследованиям латиноамериканских и ряда других периферийных обществ.

В рамках этих исследований сложилось направление, получившее наименование неонституционализма (Э. де Сото, Г. Мюрдаль, Д. Норт, М. Олсон и др.)¹.

Постепенно из методологии по исследованию периферийных обществ, неонституционализм превратился в одно из ключевых направлений в социологии. В 80-90-е годы XX века это направление пришло и в Россию. Здесь особенно важными для нас выступают исследования В. Волкова, Ю. Латова, В. Радаева, Г. Сатарова, Э. Панеях, Т. Шанина и некоторых других². Именно в рамках этих работ были описаны основные практики, обозначенные термином «неформальные», т.е. лежащие за пределами правового поля. Эти работы мы использовали, с одной стороны, как теоретическую основу нашего исследования, с другой стороны, как сравнительный материал.

Поскольку коррупционные практики, это в первую очередь практики, возникающие при взаимодействии власти и общества, определенное значение имеют для нас работы, выполненные в рамках политологических исследований. Здесь необходимо упомянуть работы В.М. Сергеева, А.А. Казанцева, К.Е. Коктыша и некоторых других³.

Параллельно упомянутым выше работам осуществлялись масштабные эмпирические исследования проблем коррупции, проблем восприятия коррупции населением. Особое значение для нас имеют исследования таких исследовательских центров как ВЦИОМ, ИНДЕМ, Transparency International и других⁴.

¹ Де Сото Э. Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М., 2004; Социально-экономические аспекты коррупции: Проблемно-тематический сборник. – М.: ИНИОН РАН, 1998; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

² Волков В. Политэкономика насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10; Бляхер Л.Е. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых). – М. 2000; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М.: Центр политических технологий, 1998; Сатаров Г.А. Диагностика российской коррупции: социологический анализ (Краткое резюме доклада). – М.: Фонд ИНДЕМ, 2002. С. 35.

³ Сергеев В.М. и др. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. № 2. 2007; Friedrich C.J. The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda. N. Y.: Harper & Row, 1972.

⁴ Индекс Экономической Свободы – 2000 // Чистые руки. 2000. № 4. С. 82–83; Индекс восприятия коррупции – 2002. Трансперенси Интернэшнл. http://www.transparency.org/pressreleases_archive/2002/dnld/cpi2002_pressrelease.ru.doc; Фонд ИНДЕМ. Коррупция в России // Российская газета. 2002. 22 мая.

Особенности Дальневосточного региона и специфика коррупционных взаимодействий здесь раскрываются в многочисленных исследованиях, проводимых главным образом в Хабаровске и во Владивостоке. Для нашей работы предельно важен материал, полученный в результате эмпирических исследований Н.М. Байкова, Л.Е. Бляхера, В.К. Заусаева, Н.А. Миризова, Р.И. Михеева, И.Ф. Ярулина и некоторых других авторов⁵.

Несмотря на обилие эмпирического материала, типология отношений к коррупции различных слоев населения пока не построена, не выработана стратегия развития социальных механизмов борьбы с коррупцией, не определена ее роль в сдерживании социально-экономического развития региона. Эти вопросы мы и постарались раскрыть в настоящем исследовании.

Объект исследования – социальные процессы в Хабаровском крае.

Предмет исследования – коррупционные взаимодействия и их влияние на социальные процессы в Хабаровском крае.

Цель исследования – выявить характер коррупционных процессов в Хабаровском крае и определить эффективные способы несилового противодействия этим процессам.

Задачи исследования:

- Провести сопоставительный анализ различных подходов к определению коррупции, выявить возможности и трудности выработки интегрального определения.
- Показать связь между коррупцией и антимодернизационным, антиинновационным поведением.
- Определить особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России и место коррупционных взаимодействий в протекании этого развития.

⁵ Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы: Монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 304 с; Бляхер Л.Е. Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса (на примере мелких предпринимателей и самозанятых). – М., 2000; Заусаев В.К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. – Хабаровск, 2009.

- Выявить специфику понимания термина «коррупция» и степень задействованности в коррупционных практиках населения Хабаровского края.
- Определить отношение населения Хабаровского края к различным видам коррупции.
- Определить формы, способствующие созданию атмосферы нетерпимости к коррупции, и препятствующие ее созданию.

Эмпирическую базу исследования составили:

- Данные региональной статистики и материалы, собранные и обобщенные авторским коллективом под руководством профессора В.К. Заусаева.
- Результаты эмпирических исследований различных аспектов, связанных с проблемой коррупции, осуществленных группами под руководством Н.М. Байкова, Л.Е. Бляхера, Э.О. Леонтьевой, И.Ф. Ярулина.
- Формализованный опрос населения Хабаровского края (2007 г. – n = 460; 2008 г. – n = 457), Генеральная совокупность – трудоспособное население Хабаровского края, старше 18 лет. Тип выборки: квотно-территориальная.
- Серия экспертных интервью с представителями власти, бизнеса и экспертного сообщества Хабаровского края (n = 37).
- Данные фондов ИНДЕМ, ВЦИОМ и Трансперенси Интернэшнл.

Методология диссертационного исследования. Применяемая в исследовании методология представляет собой сочетание неинституциональной методологии (Д. Норт, Э де Сото), разработанной для анализа «неформальной экономики», и понимающей социологии, направленной на интерпретацию социологических данных, исходя из представлений о мире и его социальной составляющей, господствующих в данном сообществе. Такой методологический синтез, на наш взгляд, позволяет выявить различную степень общественной опасности разных видов коррупции, разработать инструменты противодействия наиболее опасным из них.

Научная новизна исследования обусловленная самой постановкой проблемы, не получившей пока своего всестороннего освещения, выражается в следующем.

- Определен и описан объем понятия, обозначаемого термином «коррупция», в представлении населения Хабаровского края. Построена типология различных видов коррупции.
- Выявлена специфика отношения населения края к различным видам коррупции. Показано, что «бытовая коррупция» не осознается населением в качестве осуждаемого деяния, а воспринимается как устойчивая и общественно признаваемая социальная практика.
- Обнаружены и описаны формы, которые могли бы способствовать осознанию социальной опасности бытовой коррупции.

Положения, выносимые на защиту:

- В современных общественных науках господствует два понимания коррупции, так или иначе, сказывающихся как на общественном восприятии этого феномена, так и на его изучении. В первом случае под коррупцией понимается преступное деяние, связанное с использованием служебного положения и подлежащее безусловной моральной и правовой санкции (институциональный подход). Во втором случае, коррупция связана с преодолением условий, препятствующих осуществлению экономического и социального взаимодействия (неоинституциональный подход).
- В нашей работе мы пытаемся совместить эти подходы. В период качественных социальных трансформаций коррупция, основанная на внеинституциональном (сетевом) взаимодействии, выступает формой выживания социального организма, способствует поддержанию социального взаимодействия в условиях возрастания рисков и неопределенности. При переходе в режим развития коррупция выступает основным препятствием осуществления модернизации в обществе. На уровне общественного мнения такая «двойственность» коррупции проявляется в различном отношении людей к разным формам коррупции.
- Эта двойственность коррупции особенно ярко проявляет себя на Дальнем Востоке России. В период слома советской социальной системы коррупция выступала средой, в которой осуществлялись «серые» социально-экономические взаимодействия, в ситуации, когда легальное взаимодействие не обеспечивало выживания.

- В настоящее время коррупционные схемы, сложившись и получив квазизаконное бытование, начинают тормозить процесс модернизации общества, становятся непреодолимым препятствием для перехода в режим инноваций.
- Как показывает наше эмпирическое исследование, сложность противодействия коррупции связана не столько с недостатком правовых средств регулирования, сколько с особенностями восприятия коррупции населением. Общественное мнение четко разделяет «политическую коррупцию», осуществляемую, по мысли респондентов, за пределами актуального социального взаимодействия, и «реальную жизнь», в которой население отказывается признать наличие коррупционного взаимодействия. По крайней мере, находит ему свое объяснение и извинение.
- В работе предлагаются подходы не силового, а социального противодействия коррупции, связанные с устранением «двойственности» в восприятии коррупции, с выработкой представлений о коррупционном поведении, как однозначно осуждаемым российским обществом.

Теоретическая значимость исследования связана с уточнением понимания самого термина «коррупция», принципов коррупционного взаимодействия, построения типологии отношения населения к различным видам коррупции. Исходя из этих теоретических положений, можно понять - почему практика «силового» противодействия коррупции имеет относительную успешность, в чем социальные истоки коррупции, как коррупция проявляет себя в различных социальных условиях.

Практическая значимость исследования состоит в возможности организации борьбы с коррупционным взаимодействием с помощью несиловых методов. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курса «Социология» для специальностей «социология» и «социальная работа». Положения диссертационного исследования легли в основу спецкурса «Основы теории обеспечения государственной безопасности», прочитанного автором диссертации слушателям Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Апробация. Результаты диссертационного исследования были доложены и заслушаны на региональной (Хабаровск, 2008), Всероссийских (Москва, 2009; Хабаровск, 2009) и международной (Саратов, 2009) научно-практических конференциях. Основные положения диссертации опубликованы в открытой печати, в том числе в 2-х публикациях в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендуемых ВАК РФ. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета.

Структура диссертации определяется логикой изложения материала и включает в себя введение, две главы, разделенные на шесть параграфов, заключение, список использованной литературы и приложений, иллюстрирующих результаты эмпирического исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, анализируется степень ее разработанности в специальной литературе и смежных научных дисциплинах, выдвигается основная гипотеза, формулируется объект, предмет, цель и задачи исследования. В этом же разделе определяются теоретико-методологические основания исследования, эмпирическая база, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Коррупция как предмет социологического исследования»**, состоящей из трех параграфов: **«Проблема определения коррупции в рамках институциональной и неинституциональной теории»**, **«Коррупционное взаимодействие как форма антимодернизационного поведения. Коррупционные процессы в России»**, **«Социальные процессы на Дальнем Востоке России: между выживанием и развитием»**, осуществляется постановка исследовательской проблемы, определяется контекст решения задач, инструментарий и основные понятия работы.

В главе устанавливается, что коррупция сегодня выступает в качестве масштабного (глобального) процесса, затрагивающего, практически, все

регионы мира и самые различные области человеческой деятельности. При этом ни четкого и однозначного определения термина, ни исчерпывающего описания коррупционных практик не существует. Понятие воспринимается как интуитивно ясное, обладающее яркой негативной коннотацией, и не нуждающееся в дальнейшей проработке.

Исходя из такого понимания коррупции, выстраиваются международные «рейтинги коррупции», выносятся экспертные суждения. Вместе с тем, игнорирование отношения населения к коррупции, понимания им этого явления, приводит к превращению социально значимого феномена в социальный миф, лишенный конкретного содержания.

В то же время при переходе от абстрактных рассуждений к выяснению отношений к конкретным видам коррупции, ясность и однозначная негативность концепта и обозначаемого им явления исчезают. Особенно ярко это проявляется в России, где коррупция выступает как явление культурно и исторически укорененное и, отчасти, морально оправдываемое. Для того чтобы выяснить действительное отношение к коррупции населения мы, не употребляя самого термина, описали ряд практик, более или менее однозначно относимых к коррупции. В этой ситуации выявилась двойственность отношения к коррупции, точнее к коррупционным взаимодействиям. Это видно из таблицы 1.

Таблица 1

**Отнесение к коррупции
различных видов социального взаимодействия**

<i>Виды взаимодействия</i>	<i>Степень отнесения к коррупции</i>
взятничество (подкуп)	однозначное отнесение
непотизм	однозначное отнесение
протекция	относится к коррупции большинством (до 70 %)
лоббизм	относится к коррупции большинством (до 70 %)
блат	относится к коррупции меньшей частью респон- дентов (менее 30 %)
реципрокность	относится к коррупции меньшей частью респон- дентов (менее 20 %)
обмен дарами	не относят к коррупции

Примечание. По данным фонда ИНДЕМ.

Под коррупцией, которая подлежит однозначному осуждению, понимаются действия, лежащие за пределами актуальной социальной деятельности актора. Действия же, осуществляемые им самим или его окружением, не вызывают осуждения и не оцениваются как коррупция. Они оцениваются как важный и имманентно присущий социуму механизм выживания. Однако сами респонденты, хотя и настаивают на важности взаимодействий, которые мы обозначили как коррупционные в рискованных обстоятельствах, отмечают, что в период поступательного экономического развития страны коррупция становится тормозом для любых форм модернизации, препятствует введению в обществе инноваций. В то же время ситуация, когда все эти виды взаимодействия исчезнут, оценивается респондентами как нереальная.

Такое «разделение» отношений и приводит к мифу о неискоренимости коррупции. Природу этого мифа в восприятии населением Хабаровского края, его оценку коррупции мы и проследим в ходе дальнейшего изложения.

Во второй главе **«Коррупционное взаимодействие как механизм выживания и условие сдерживания социально-экономического развития (по материалам эмпирического исследования)»**, состоящей из трех параграфов: **«Понимание термина «коррупция» населением города Хабаровска»**, **«Отношение к различным видам коррупции у населения города Хабаровска»**, **«Противодействие коррупции как социальная задача: от силовых к социальным типам противодействия»**, описываются результаты эмпирического исследования, проведенного автором в Хабаровском крае, делаются выводы о специфике восприятия коррупции населением и о формах борьбы с коррупцией, как основным сдерживающим фактором на пути модернизации региона.

Эмпирическое исследование коррупционных взаимодействий в Хабаровском крае показало, что отношение к коррупции у населения остается резко негативным до тех пор, пока речь идет о «коррупции вообще». Но оно становится далеко не однозначным, как только в содержание феномена коррупции включаются ежедневные практики того социального слоя, к которому принадлежит респондент.

Исследователи достаточно часто выделяют несколько видов коррупции:

- политическую, связанную с законодательной деятельностью и исполнением законов;

- экономическую, связанную с распределительными отношениями в бюджетной и экономической сферах;

- бытовую, связанную с рутинными практиками, существующими между людьми.

При всей распространенности и аргументированности этой точки зрения, наше эмпирическое исследование (особенно экспертные и биографические интервью) не поддерживает ее. Ведь для политика или государственного служащего их деятельность тоже состоит из рутинных практик, является «бытовой» реальностью, даже пусть символически она и нагружена гораздо больше.

Столь же рутинизированными и технологически «проработанными» выступают экономические практики. Ведь получение «откатов» давно стало нормой при взаимодействии с бюджетами того или иного уровня, как и иные «экономические» практики при взаимодействии власти и бизнеса. Более того, как отмечали многие респонденты, «право» участвовать в коррупционном взаимодействии предоставляется не каждому. Для этого необходимо быть включенным в систему особых отношений, связанную с обменом услугами, символическими дарами, входить в определенную социальную группу. Респонденты совершенно четко осознавали «экономический смысл» коррупции, что демонстрирует ответ на один из вопросов анкеты (см. таблицу 2).

Таблица 2

<i>Сколько времени (примерно в днях) нужно потратить вашей компании?</i>	<i>Хабаровск</i>	<i>Комсомольск</i>	<i>Всего</i>
	<i>Среднее арифметическое всех ответов</i>		
...на регистрацию предприятия:			
- с соблюдением всех правил	26	32	28
- если давать взятки	16	17	16
...на получение и продление лицензии:			
- с соблюдением всех правил	15	17	15
- если давать взятки	3	3	3
...на получение экспертного заключения или разрешения:			
- с соблюдением всех правил	20	25	21
- если давать взятки	3	5	3
...для заключения договора аренды:			
- с соблюдением всех правил	4	7	5
- если давать взятки	1	1	1

То же самое можно отметить и по отношению к «политической коррупции». И первая, и вторая форма стремительно обрывает «бытовыми чертами» и, тем самым, теряет для носителя черты коррупции, превращаясь в «нормальные человеческие отношения», в благодарность и т.п., которые в повседневной жизни с точки зрения респондентов выступают вполне безобидными явлениями.

На основе эмпирического обследования совершенно явно выделяются два вида социального взаимодействия, имеющего признаки коррупции.

Во-первых, это абстрактная «власть», находящаяся в ином, нежели респондент социальном измерении («мэрия», «Белый дом», «Москва»), которая пребывает в состоянии тотальной коррумпированности. В ряде интервью респонденты готовы были говорить о «всеобщей коррупции... в Приморье», но не «дома». По отношению к той «чужой» коррупции респонденты в основной своей массе, как правило, были беспощадными и более или менее точно воспроизводили дискурс, предлагаемый в средствах массовой информации, выступлениях политиков, нормативных актах.

Во-вторых, это конкретные практики социального поведения, требующие от человека «отклонения» от выполнения им служебных обязанностей по отношению к родственникам, коллегам, знакомым. Даже в том случае, когда речь шла о прямом факте получения денежного вознаграждения за нарушение служебного долга, респонденты отказывались признавать это явление коррупцией.

В оправдание в этом случае говорилось о необходимости «кормить семью», о несправедливой системе распределения вознаграждения («маленькая зарплата»), о просьбе друзей («которым нельзя отказать») и т.д. В любом варианте или отрицалась сама возможность (допустимость) отнесения той или иной практики к сфере коррупции, или ей находилось объяснение в коррумпированности (несправедливости, некомпетентности) тех или иных «вышестоящих лиц». В то же время объяснения «других» отменялись, как не аргументированные. Отсюда и представление о тотальности коррупции.

Показательно, что в ходе проведения эмпирического исследования выявилась устойчивая корреляция: чем ниже социальный статус респондента, тем больше фактов коррупции он усматривает, тем с более широким кругом явлений он соотносит содержание термина. Причина очевидна: чем ниже социаль-

ный статус, тем больший круг лиц представляет для социального агента «власть», чужеродную и дистанцированную.

Это возвращает нас к первоначальному определению термина «коррупция», данному в первом параграфе исследования. Коррупция – это, прежде всего, тип властного взаимодействия, связанного с нарушением за вознаграждение властным лицом своих обязанностей в интересах иного лица. Коррупция возникает тогда, когда складываются два условия: легальные каналы взаимодействия государства и общества по какой-либо причине блокируются, либо оказываются неэффективными; возникает разделение властных функций между управляющим и его агентом. Оба эти условия сложились в России и на Дальнем Востоке, что ярко демонстрируют ответы на вопросы анкеты. Лишь менее трети респондентов, столкнувшись с коррупцией, предполагают использовать легальные формы противодействия. Подавляющее число респондентов в ответ на коррупцию намереваются осуществить коррупционное же противодействие ей (см. ниже таблицу 3).

Таблица 3

<i>Столкнувшись с коррупцией, респонденты чаще всего:</i>	<i>Хабаровск</i>	<i>Комсомольск</i>	<i>Всего</i>
	<i>Ответы в %</i>		
Обращаются в суд	26,3%	20,3%	24,4%
Обращаются в вышестоящую административную инстанцию	34,2%	40,2%	36,1%
Предлагают «материальную помощь»	18,4%	16,4%	17,9%
Ищут «знакомого чиновника»	18,4%	20,5%	18,9%
Затруднялись ответить	2,7%	2,6%	2,7%

Построение «властной вертикали» на огромной и крайне разнородной территории Российского государства привело к появлению многочисленных «агентов», осуществляющих в тех или иных сферах делегированные им полномочия. Стремление же создать единые «правила игры» для всех территорий приводит к появлению «зазора» между законодательной нормой и реальными социально-экономическими практиками. В этот зазор и встраивается коррупция. Понятно, что чем далее от центра власти (в нашем случае от Москвы) находится территория, тем более нестандартными выступают условия существования этой территории, тем больше возникает зазор между нормой и реальностью и более свободно чувствует себя агент, представляющий власть.

Исходя из этой логики, именно на Дальнем Востоке коррупционные практики наиболее рационально мотивированы. Они не столько девиация, сколько условие выживания социума. Именно поэтому респонденты прилагают все усилия для того, чтобы не признавать коррупцию «здесь».

С точки зрения экспертов коррупционным, т.е. потенциально незаконным, феномен оказывается как раз в силу ненормальности законов для условий Дальнего Востока. Сами же условия понимаются как не только нормальные, но единственно возможные. Это порождает крайне важное для нашего рассмотрения противоречие. Поскольку агент, представляющий власть на месте, вынужден выполнять заведомо неэффективные правила, следить за их соблюдением, он становится «чужим». Чем более жестко носитель делегированной власти исполняет свои полномочия, тем все больше «чужаком» он является. Выполнять «чужие» правила для населения и сложно, и неэффективно. Тем самым блокируются возможности легального взаимодействия. Государство и муниципальная власть теряют самый важный инструмент управления – доверие народа.

Не доверяя социальным институтам власти, социальный агент (не властный) сохраняет доверие к ближайшему родственному и дружескому окружению. Они и оказываются его единственной реальностью. В интересах этой реальности человек и вступает в легальные социальные отношения. При этом сами эти отношения теряют статус подлинности, оказываются виртуальными, неким аналогом симулякра Ж. Бодрийера. Именно социальное взаимодействие в ближайшем окружении оказывается ценностно нагруженным. А вот легальная социальность остается ценностно-нейтральной. Она лишь источник некоторых возможных благ и рисков. Для того чтобы «решить проблемы», получить блага и компенсировать риски семейного и дружеского окружения, и осуществляется перевод легального взаимодействия в «неформальное», лично окрашенное. Возникают коррупционные сети, эффективно посредничающие при взаимодействии с государством.

Однако, возникнув по объективным обстоятельствам, способствуя выживанию в условиях повышенных рисков, коррупционные сети никуда не пропадают при исчезновении рискованной ситуации. Сформировавшись в сфере частного общения, они начинают поддерживать себя. Часть средств общества изы-

мается из социального оборота и перераспределяется по сети, идет на поддержку сетевого взаимодействия. Чем больше общество инвестирует в развитие, чем больше средств перераспределяется по сети, тем сильнее становится сеть. В определенный момент социальная сеть, завязанная на коррупционное взаимодействие, и дававшая возможность выжить, становится непреодолимым препятствием на пути развития общества.

В этот момент борьба с коррупцией и становится актуальной социальной проблемой. Как мы старались показать в нашей работе, эта борьба не может вестись только административно-правовыми и карательными мерами. Требуется встречное движение.

Чтобы искоренить коррупцию на Дальнем Востоке, необходимо учесть местные особенности, сделать легальное взаимодействие в принципе возможным. Как показано в работе, увеличение звеньев управления в условиях построения единой «вертикали власти» неизбежно ведет к повышению «непрозрачности» (неконтролируемости) нижестоящих звеньев, что автоматически увеличивает риск оппортунистического поведения и коррупции. Для преодоления этого необходимо не только изменить правовую рамку, создав те или иные законодательные преференции для региона, но и превратить агента в принципала. Сделать региональную власть реальной властью на своей территории, уменьшив, таким образом, число звеньев и сделав государственную машину контролируемой.

Однако «смягчение» правового режима в регионе и увеличение объема полномочий местной власти, скорее всего, не даст ожидаемого эффекта. Ведь коррупционные сети обладают свойством воспроизводиться. Здесь, несомненно, требуется поддержка населения. Необходимо осознание, что коррупция противоречит не интересам общества «вообще», но интересам каждого жителя Дальневосточного региона, что легальное взаимодействие проще, выгоднее и безопаснее нелегального. Если этот переворот в общественном мнении свершится, то коррупция сократится до размеров одной из социально-экономических девиаций, одного из видов преступной деятельности, с которой с легкостью справятся силовые органы Российского государства.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейших изысканий, предлагаются рекомендации по консолидации населения в борьбе с коррупцией, по созданию атмосферы морального осуждения коррупционного взаимодействия. В этом разделе подводится основной итог анализа. Для эффективной реализации программы борьбы с коррупцией необходимо изменить оценку коррупции населением, перевести ее из виртуального в реальный пласт существования агента. Здесь крайне эффективным методом борьбы представляется внедрение через СМИ, публичные выступления и др. в общественное сознание дальневосточного социума устойчивой взаимосвязи между конкретными коррупционными практиками и концептами «несправедливость», «обман», «воровство» и др.

Такое изменение, конечно, не может компенсировать силового преследования социально опасных форм коррупции. Но именно оно создаст тот эмоциональный фон в общественном сознании дальневосточников, на котором силовые действия окажутся социально одобряемыми основной массой населения и максимально эффективными с точки зрения российской власти.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Мошкина И.В. Коррупционные практики и административные барьеры в малом бизнесе Хабаровского края: эмпирический аспект / И.В. Мошкина // Власть и управление на Востоке России. - 2009. - № 1 (46). - С. 121-130.

2. Мошкина И.В. Административные барьеры в малом бизнесе Хабаровского края: опыт эмпирического описания / И.В. Мошкина, А.Р. Мшвилладзе // Вестник Тихоокеанского государственного университета. - 2009. - № 2 (13). - С. 229-236.

3. Мошкина И.В. Семантический анализ концепта в поле дискурса о коррупции / И.В. Мошкина // Социально-экономическое пространство региона: общество, политика, культура: сборник научных трудов. – Хабаровск: Рапид, 2007. – С. 12-26.

4. Мошкина И.В. Социальные процессы на Дальнем Востоке России: между выживанием и развитием / И.В. Мошкина // Защита и охрана Государственной границы Российской Федерации: современность и будущее: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск: Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 2009. – Ч. 2. – С. 149-158.

5. Мошкина И.В. Коррупционное взаимодействие как форма антимодернизационного поведения: коррупционные процессы в России / И.В. Мошкина // Экономический и социально-философский потенциал современного общества: возможности, тенденции, перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. – В 3-х частях. – Саратов: Изд-во Научная книга, 2009. – Ч. 2. – С. 113-120.

6. Мошкина И.В. Проблема определения коррупции в рамках институциональной и неинституциональной теории / И.В. Мошкина // Дальневосточный форпост. – 2009. – № 3. – С. 68-76.

7. Мошкина И.В. Проблема институционального доверия в бизнес-сообществе города Хабаровска / И.В. Мошкина // Социально-экономические реформы: проблемы и пути решения в условиях современного общества: материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. – М.: Издательско - полиграфический комплекс НИИРРР, 2009. – Ч. 2. – С. 164-170.

8. Мошкина И.В. Социологический анализ коррупционных процессов на примере города Хабаровска / И.В. Мошкина // Тенденции и перспективы развития современного общества: экономика, социология, философия, право: материалы международной научно-практической конференции. – В 4-х частях. – Саратов: ООО Изд-во КУБиК, 2009. – Ч. 3. – С. 34-39.

9. Мошкина И.В. Коррупция и механизм формирования доверия в дальневосточном социуме / И.В. Мошкина // Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: анализ, регулирование, прогноз: сб. науч. тр. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – Вып. VI. – С. 87-95.

Мошкина Ирина Васильевна

**КОРРУПЦИОННЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Подписано в печать 18.05.10. Формат 60х84/16.
Бумага писчая. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,2. Тираж 100 экз. Заказ № 115.

Отдел оперативной типографии издательства
Тихоокеанского государственного университета
680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.